

3) в повествовательных предложениях – присоединение к глаголам действия, прилагательным и глаголу-связке для выражения оттенка очевидности информации для обоих собеседников;

4) в вопросительных предложениях – указание на желание говорящего получить подтверждение высказанному им предположению относительно факта, хорошо известного обоим собеседникам;

5) в повелительных и пригласительных предложениях – употребление только с глаголами действия и посессивными глаголами для выражения оттенка мягкого приказа или приглашения к совместному действию;

6) использование в составе сложных финитных окончаний в сочетании с маркерами цитатива или в составе аналитической формы долженствования.

Литература

1. Герпл М.О. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии / отв. ред. А.Г. Широкова. М. : Прогресс, 1978. С. 277 – 301.
2. Джан Кйёнхи Хйёндэ кугó янтхэпóмджу йóнггу (Исследования категории модальности в современном корейском языке). Сеул, 1998. 286 с.
3. Джан Сокджин Хвехвасэнонджók йóнггу (Исследование речи с позиции формальной грамматики) // Óхак йóнггу. № 9 – 2. С. 127–130.
4. Ко Йóнгын, Хйёндэ кугó мунчепóбе тэхан йóнггу (Исследование стилистики современного корейского языка) // Óхак йóнггу. № 12 – 1. С. 44–45.
5. Пак Джэйóн Хйёндэ кугó панмальче чонгйóль óми йóнггу (Исследование форм конечной сказуемости фамильярной формы адресива современного корейского языка). Сеул, 1998. 142 с.
6. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
7. Рамстедт Г.Й. Грамматика корейского языка / под ред. и с предисл. Б.К. Пашкова ; пер. с англ. яз. и примеч. А.А. Холодович. М. : Изд-во «Иностр. лит.», 1951. 232 с.
8. Русская грамматика : науч. тр. Т.П / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Е.А. Брызгунова, К.В. Гарбучан, В.А. Ицкович [и др.]. Репринт. изд. М., 2005. 712 с.
9. Сó Джонсу Чондэпóб йóнггу (Исследования форм вежливости). Сеул, 1984. 126 с.
10. Хан Гиль Кугó чонгйóль óми йóнггу (Исследование форм конечной сказуемости корейского языка). Сеул, 1991. 340 с.
11. Sohn Ho-Min The Korean language. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 445 p.

12. Martin S.E. A Reference Grammar of Korean: a complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. Singapore : Tuttle publishing company, 1992. 1044 p.

The peculiarities of confirmative mood marker functioning in the modern Korean language

There is researched the confirmative mood and its expressing devices in the modern Korean language. There is considered the notion of mood in the Korean language, marked out its characteristics, analyzed the “ji” ending functioning as the indicator of the given category, traced its relationship with the other categories in the modern Korean language.

Key words: *confirmative mood, the Korean language, finite endings, final predication forms, objective setting category, addressee category.*

М.А. ДИАРОВА
(Атырау, Казахстан)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОФИЦИАЛЬНОГО ИМЕНОВАНИЯ КАЗАХОВ

Показаны особенности трансформации русской модели официального именованя, используемой в казахской антропонимической системе. В суверенном Казахстане в условиях современной языковой ситуации, обусловленной новой языковой политикой, происходит возрождение национально-традиционных способов именованя. Одним из проявлений этнической идентичности является отчуждение русской модели образования фамилий и отчеств, что приводит к параллельному функционированию в документах казахов нескольких форм именованя.

Ключевые слова: *антропонимическая система, формула официального именованя, фамилия, имя, отчество, национальная культура, традиция именованя.*

Изучение природы имен собственных, выявление их особенностей, раскрытие семантики и этимологии, анализ словообразовательной структуры имен собственных разных народов, разной территориальной локализа-

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ции привели исследователей к мысли о том, что они не только историчны, но и глубоко национальны. Истоки положения о национальной специфике имен собственных нужно искать в национальной культуре народа. В этом плане понятие «национально-культурная специфика» применительно к именам собственным подразумевает тесное единство мировосприятия народа с его духовной, социальной и материальной культурой, а также ее отражение в способах и формах именования.

Имена собственные как языковые единицы активно реагируют на происходящие в жизни общества изменения. Основные значимые этапы развития онимической системы любого языка обуславливаются переломными моментами истории социума. В развитии казахской антропонимической системы значительным этапом по праву считается советский, характеризующийся тысячами традиционных, исторически устойчивых имен, приемников предыдущих эпох [1, с. 265].

Кроме появления новых имен, отражавших новую действительность, советский этап в развитии казахского антропонимикона знаменателен бурным заимствованием имен. В казахских семьях активно стали использоваться русские имена, имена других народов СССР, а также интернациональные имена, заимствованные через русский язык. Период «антропонимического половодья», который характеризовался наличием общих имен у русского и других народов, был подробно проанализирован в работах В.Д. Бондалетова, В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Т. Жанузакова, Э. Бегматова и др.

В 1960 – 1980-е гг. среди казашек было широко распространено стремление вместе с приобретенным для межнационального общения русским языком по-другому идентифицировать себя, присвоив себе русское имя, созвучное с собственным: *Қамарию* называли *Катей*, *Ұлболсын* – *Ольгой*, *Зұлқия* стала *Зоей*, *Сәния* – *Соней*, *Ғалия* – *Галей*, *Нұржамал* – *Надей*, иногда к казахскому имени подбирали близкое по смысловому содержанию русское: *Жарқын* – *Света*. Сейчас параллельные имена характерны для казахов, живущих в России, причем если в большинстве случаев документальные казахские женские имена в повседневном общении заменяются русскими, то замена мужских имен имеет еще один вариант: документальное русское может заменяться семейным казахским (*Юсупов Юрий* – *Нұрлан*, *Колбаев Владимир* – *Жақия*, *Жавелев Владимир* – *Қажет*, *Изделеев Василий* – *Төлеу*). Та-

кие сведения получены нами в ходе анкетирования казахов, проживающих за пределами Казахстана.

Казахский именник, кроме русских имен, в послереволюционные десятилетия принял в свой состав имена-неологизмы, превращая в антропонимы лексические единицы, олицетворяющие новую жизнь. Мужские имена, образованные от русской нарицательной лексики, распространенные в 1950 – 1960-е гг. (*Армия*, *Град*, *Наград*, *Колхоз*, *Комсомол*, *Машина*, *Мир*, *Октябрь*, *Сиез*, *Солдат*, *Талант*), иноязычные имена (*Альберт*, *Гамлет*, *Даниэль*, *Диас*, *Карл*, *Маркс*, *Марс*, *Ренат*), имена-аббревиатуры (*Ким*, *Ленмар*, *Марлен*, *Мэлс*), имена и фамилии поэтов и писателей, других выдающихся личностей (*Александр Пушкин*, *Максим Горький*, *Тельман*, *Чкалов*), гипокористические формы русских имен (*Коля*, *Толя*, *Миша*), присвоенные конкретным лицам, через 20 – 30 лет стали основой для образования отчеств. В результате сейчас в документах современных казахов фигурируют довольно странные сочетания типа *Армия Советхан*, *Салтанат Армиевна*, *Мейрам Градович*, *Наградова Батима*, *Өнербек Машинасұлы*, *Даурен Гамлет*, дети братьев-близнецов, названных *Максимом* и *Горьким*, имеют отчества *Максимович* и *Горькиевна*, есть люди с отчествами *Пушкиновна* и *Тельманович*, *Коляевна*, *Мишаевич*.

Если для русской антропонимии процесс искусственного создания и заимствования имен как живое отражение изменившейся реальности в первой половине XX в. был явлением преходящим, то в казахской системе именования, в силу ее особенностей, его последствия отражаются и будут еще отражаться в фамилиях следующего поколения: казахская фамилия в большинстве случаев для следующего поколения вновь образуется от имени деда или отца. Значит, следует ждать нового поколения казахов с фамилиями *Пушкин*, *Горький*, *Гамлет*, *Машинас(т)*? Уже имеются в списках дети с фамилиями *Анатолій*, *Альберт*, *Валерий*, *Захар*, *Лес* (*вместо Илес*), *Макс*, *Мир*, *Мэлс*, *Павел*, *Через*, *Чкал*.

Развитие казахской антропонимии в условиях современной языковой политики тесно связано с дальнейшим укреплением позиций государственного языка, расширением функций и фактическим его использованием в жизненно важных сферах. Одновременно в антропонимической картине (шире – в ономастическом пространстве в целом, т.к. распространено присвоение личных имен различным объек-

там) находит свое отражение новая языковая ситуация, и здесь важно все: и характер имен, привлекаемых для наречения, и правильность их написания, и соответствие имен, отчеств и фамилий казахов национальной культуре. Одним из проявлений этнической идентичности в условиях современной языковой политики является отчуждение русской модели образования фамилий и отчеств, в результате чего в документах казахстанцев используются самые разнообразные формулы официального именования, в которых особая роль отводится имени отца. Интересным вопросом в рамках этой проблемы является различение понятий «фамилия» и «отчество» как обязательных компонентов привычной советской модели.

Отчество – один из компонентов трехчленной формулы именования, которая была распространена в обязательном порядке во всех республиках Советского Союза. В официальных документах казахов отчество стало широко использоваться после первой государственной переписи населения, когда было принято решение оформлять сведения о всех гражданах нового государства в соответствии с единым образцом – русской моделью «фамилия + имя + отчество». Рассуждать о специфике отчества в составе официального имени казахов невозможно без исторического экскурса для пояснения его происхождения.

Отчество, т. е. особым образом оформленное имя отца, входящее в состав его полного триединого именования, – характерная черта русской именной системы, пишут А.В. Суперанская и А.В. Сулова [4, с. 155]. В русской антропонимике данный компонент именования изучается в работах В.А. Никонова, В.Д. Бондалетова, А.В. Суперанской, М.В. Горбаневского, В.И. Супруна, В.О. Максимова и мн. др. О значении отчества в развитии другого способа семейного именования – фамилии, которая произошла из отчества, писал В.А. Никонов: «Фамилии дворян в России сложились относительно быстро с первой половины XVI по вторую половину XVII в., ...к началу XVIII в. у всех помещиков уже есть фамилии. В большинстве они образованы от отчеств, в основе которых – имя отца» [2, с. 168].

Казахстанские исследователи во главе с Т. Жанузаком обращались к истории развития казахской системы официального именования, имеющей свои культурно-традиционные корни, но испытавшей на определенном этапе влияние русской традиции. Архивные материалы свидетельствуют, что в именовании казахов в официальной сфере существова-

ла своя модель, состоящая из двух компонентов – личного имени и имени отца: *Теңізбай Қабдыкерімұлы, Күмісбай Рахметұлы, Айғана Жантоқұлы, Шәрке Ағымұлы, Шыңғыс Шақаманұлы, Жүсіп Итемгенұлы*. Эти и другие имена называет старшина *Исатай Тайманұлы* в жалобе на имя султана *Медета Шөкісұлтанұлы*, датированной 1836 г. и хранящейся в Казахском государственном архиве (ф. 4, оп. 1, д. 1974, л. 223). Через 100 лет все казахи стали именоваться по-русски – по фамилии, имени и отчеству.

Традиционный способ оформления родственных отношений казахов в двух компонентах (с участием только имени отца) в документах на русском языке заменяется русской трехкомпонентной формулой, что привело к смешению понятий «фамилия» и «отчество». Мы проанализировали антропонимы, фигурирующие в текстах публикаций по вопросам общественной жизни, экономики, культуры, истории и этнографии в газете «Дала уалаятының газеті» («Казахская степная газета» – далее в нашей статье *Газета*), издававшейся в 1888 – 1902 гг. в Омске на казахском и русском языках. В текстах Газеты приведены имена известных в то время лиц – волостных управителей, аульных старшин, биев, переводчиков, редко, но упоминаются имена простых казахов.

Из разных по содержанию материалов Газеты нами выписаны данные 198 человек. Основной вариант именования казахов – двухкомпонентный, представлен в казахском тексте публикаций личным именем и именем отца с элементом *-ұғлы*, иногда встречается отдельно написанное слово *ұғлы*, реже слово *баласы*: *Ахмет Тойтықұғлы, Ташиит Тәби ұғлы, Тельжан Әдік ұғлы, Марал Құрман баласы, Иса Бердалы баласы*. В русском тексте во всех случаях написана фамилия, образованная по русской модели с помощью суффиксов *-ов/ -ев, -ин*: *Ахмет Тойтыков, Ташиит Табеев, Тельжан Адыков, Марал Курманов, Иса Бердалин*. Для именования женщин использована полная изафетная модель, указывающая происхождение: *Рухия Ұзақбай Шолақұғлының қызы* (буквально Рухия, дочь Узакбая Шолакова) – в русском тексте Газеты *Рухия Узакбаевна Чулакова*, аналогично *Қатира Ержан Шолақұғлының қызы – Катыра Иржановна Чулакова*. Две фамилии в казахском варианте Газеты не имеют специальных показателей, т.е. равны имени – *Жантөре, Уалихан*, в русском тексте – *Джантюрин, Валиханов*.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Приведенные примеры показывают, что на начальном этапе официального именования казахов по русскому образцу фамилией становилось имя отца, т.е. отчество; после первой советской переписи населения, когда системно и методично внедрялась русская антропонимическая формула, фамилия и отчество зачастую образовывались от одного имени (*Ахметов Адамбай Ахметович*), постепенно, уже в следующем поколении формула становилась действительно трехкомпонентной: фамилией становилось отчество отца. В отношении количества компонентов в официальном именвании и имен, используемых в основе казахских фамилий, полного стабильного единообразия не было вплоть до 1980–1990-х гг. Анализ способов оформления антропонимических сведений казахов по архивным материалам показывает, что в документах людей, родившихся в 1880–1890-х, 1890–1900-х, 1900–1910-х, 1910–1920-х, 1920–1930-х гг., отчество отсутствует или встречается очень редко: в 1900–1910-х гг. они составляют 3,4%, в 1910–1920-х гг. – 16%, а дальше их количество увеличивается резко – идет перепись, реализуются жесткие требования оформлять личные данные по единому образцу: в 1920–1930-х гг. – 40,9%, в 1930–1940-х гг. – 46,7%, в 1940–1950-х гг. – 66,2%, в 1950–1960-х гг. – 81,5%, в 1960–1970-х гг. – 97,1%. В данных за следующие десятилетия уже много изменений, произведенных после выхода Указа Президента Казахстана, разрешающего менять в документах написание фамилий и отчеств в соответствии с национальными традициями. В период 1990–2000-х гг. количество фамилий и отчеств с русскими аффиксами сокращается за счет роста популярности отчеств на *-ұлы/-қызы* при фамилии на *-ов(a)/-ев(a)* (16%) и при фамилии без аффиксов (4,8%). Постепенно увеличивается число носителей фамилий от имени отца без аффикса или с элементами *-ұлы/-қызы*.

В документах современных казахов одновременно фигурируют различные варианты сочетания имен с патронимическими образованиями, в которых имя отца выступает в функции отчества в соответствии с русской и советской традицией (в разных вариантах трехчленной формулы), то заменяет фамилию в соответствии с национальной традицией (в двухчленной формуле). Нередко желание родителей сохранить русскую модель именования и при этом придерживаться исконных традиций приводит к образованию фамилии и отчества ребенка от одного имени, как

было еще в первые десятилетия использования трехчленной формулы (*Куатова Айна Куатовна*). Усиливающаяся тенденция отчуждения русских аффиксов привела к преобразованию исходных форм, сохраняется лишь количество компонентов (*Сабит Айна Куатқызы, Куат Айна Куатқызы*). В двухчленных формулах роль фамилии выполняет чаще имя отца (*Куатқызы Айна, Куат Айна*), иногда имя отца вообще не участвует в официальном именвании: дочь *Сабитова Куата* именуется *Сабит Айна*.

Исследователи русской антропонимии подчеркивают выраженность национальной окраски русской трехкомпонентной модели, признают чуждость отчества для многих народов: «У русских традиционное именование по отчеству включает элемент уважения к человеку, а обращение без отчества воспринимается как фамильярное, своевольное или как неуважительное. У многих народов СССР – Прибалтики, Кавказа, Севера при внутринациональном общении звать по отчеству не принято. Имя отца указывается лишь в официальных документах наряду с указанием места и времени рождения именуемого» [4, с. 207].

В.И. Супрун отмечает, что количество официальных и неофициальных антропонимических компонентов в разных языках различно. Наиболее интернациональной ныне является двухкомпонентная модель «имя + фамилия». Другие модели имеют выраженную национальную окраску, в том числе и русская трехкомпонентная модель «имя + отчество + фамилия». Помимо языковой структуры, антропонимический пласт имеет такую лингвопрагматическую особенность, как этикетное употребление онимов. Русская вокативная модель «имя + отчество» – уникальное проявление национального в языке [3, с. 25].

Отчество в составе формулы официального именования казахов в основном присутствует в документах, выполняя функции дифференциации и идентификации, но с низкой, по сравнению с русской, степенью тезоименитства и однофамильности. Эти функции не имеют такой важности, как это характерно для русской системы именования. Абсолютное большинство казахов не используют в речи отчество даже при обращении, потому что для казахской культуры общения характерны свои специфические вокативы, имеющие сложную дифференциацию по социальному статусу, возрасту, полу собеседников.

Казахские традиционные способы обозначения родственных отношений от имени отца

имели свои особенности, которые в советский период были игнорированы в целях унификации, чтобы данные всех граждан подходили под единую схему: фамилия, имя, отчество. Сформировавшийся стереотип – ФИО – по сей день присутствует в документах, он сместил представления о самобытных формах именовании, акцентируя внимание не на имени самого человека, а на имени его предков, что вообще противоречит национальному этикету казахов и привело к исчезновению табу для женщин на произношение имени свекра. Между тем, в мире существуют самые разные способы официального именовании и есть системы, в которых человек именуется по личному имени и имени отца.

Таким образом, начало XXI в. для казахской антропонимической системы есть период возрождения. Длительный поиск наиболее подходящей формулы официального именовании должен привести к окончательному варианту, основанному на самобытных традициях народа и в то же время отражающему современный уровень развития национальной культуры.

Литература

1. Жанузак Т. Казахская ономастика. Астана : ІС-Сервис, 2006. Т. 1.
2. Никонов В.А. Имя и общество. М. : Наука, 1974. 278 с.
3. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград : ВГПУ, 2000. 76 с.
4. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. 2-е изд., испр. и доп. Л. : Лениздат, 1985. 222 с.

National and cultural specificity of official naming of the Kazakhs

There are shown the peculiarities of transformation of the Russian naming model used in the Kazakh anthroponomical system. In the sovereign Kazakhstan in the conditions of the modern linguistic situation due to the new language policy there takes place the revival of the national and traditional ways of naming. One of the displays of ethnic identity is the abolition of the Russian model of surnames and patronymics forming that leads to the parallel functioning of several naming forms in the Kazakhs' documents.

Key words: *anthroponomical system, official naming formula, surname, name and patronymic, national culture, naming tradition.*

Б.А. МУСУКОВ
(Нальчик)

МОДИФИЦИРУЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАЛОГОВОГО АФФИКСА -ДЫР- // -ДИР-, -ДУР- // -ДЮР- В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуется один из наиболее продуктивных аффиксов внутриглагольного словообразования, обнаруживающих незалоговое значение в системе понудительного залога. Рассматриваются семантическая классификация производящих и производных основ, отличительные особенности залоговых форм и лексических единиц, сочетание словообразовательного и залогового значений в отдельных основах.

Ключевые слова: *алломорфы аффикса, безличное действие, значение понуждения, значение двусубъектности, десемантизация значения, внутрикатегориальный и нетранспозиционный аффикс, модифицирующее значение.*

Аффикс *-дыр-* с многочисленными фонетическими вариантами встречается во всех тюркских языках с древнейших времен и квалифицируется как показатель понудительного залога. С другой стороны, он участвует в словообразовательных процессах глагола, не имеющих отношения к залогообразованию, обнаруживает только словообразовательное значение. Такие основы являются самостоятельными лексическими единицами. Залоговый аффикс *-дыр-* превращает переходные глаголы в непереходные и наоборот, в то время как с залоговым значением глаголов никаких изменений не происходит.

Впервые в тюркологических исследованиях по словообразованию глаголов на словообразовательную природу аффикса понудительного залога *-дыр-* обратил внимание А.А. Юлдашев. Он отмечал, что данный аффикс не имеет залогового значения только в двух случаях: во-первых, когда он представляет собой словообразовательный элемент с каузативным значением, во-вторых, когда обозначает *безличное действие*. Кроме того, аффикс *-дыр-* обнаруживает значение понудительного залога именно в том случае, когда не образует ни каузативных, ни безличных глаголов, т.е. формальным критерием или дополнительным грамматическим признаком данного залога является определенная конструкция предложения, например, обязательным условием